

Человек, бравший меня на работу.

У бывшего входа в «Комсомолку» появилась стела с именем Геннадия Николаевича Селезнева.

В эти дни на улице Правды, напротив бывшего входа в «Комсомолку», появилась стела с надписью: сквер назван в честь Геннадия Николаевича Селезнева, председателя Госдумы II и III созывов. Но я приехал сюда на встречу прежде всего с главным редактором «Комсомольской правды». С Геной, как звали его за глаза на Шестом этаже – не из панибратства, а коротко и строго. С Человеком, Бравшим Меня на Работу. Именно так, все слова с большой буквы.

Начальную журналистскую школу я проходил в читинской молодежи. Надо ли говорить, что мечтал о «Комсомолке» – по моему, тогда все молодые да ранние стремились попасть в ту газету. Даже сны такие снились – дерзкие, нахальные: то стометровку за 10 секунд бегу, то в «Комсомолку» зовут. Но чудеса чудесами, а нужно было публиковаться, пытаться удивить избалованную доморощенными талантами корсетью. Из кожи лезть, чтобы тебя просто заметили. Вот я и лез, пока не получил вызов в Москву на стажировку.

Редакция меня потрясла. Ходил по длинному коридору на шестом этаже и во все глаза смотрел. Через одного бродят живые классики, за место на полосе, даже за 30 строк – битва. А к ночи выходит в свет номер – живой, с обязательным «гвоздем». Откуда что берется?

Меня взяли под крыло в военном отделе Акрам Муртазаев, Андрей Тарасов, Людмила Павловна Овчинникова. У каждого было чему поучиться, но больше поразило их отношение к «понаехавшим». Спокойное, вдумчивое доброжелательство, все советы по делу, никакого превосходства старослужащих над салабоном. Помогли

с адресами для командировок, бились в секретариате, чтобы не порубили мои репортажи в щепу, сдержанно хвалили за публикации. Окрыляли! И вот наступает тот самый момент, который снился в дерзких снах. Звонок из приемной главного: «Селезнев зовет поговорить».

На ухо шепнули, что мне светит собкорство в Алма-Ате. А я родом из Казахстана, это же предел мечтаний! Геннадий Николаевич коротко поговорил, выкурил сигарету в мундштуке, под конец напутствовал: «Только давай без глупостей там у себя в Чите. Через месяц будешь работать в «Комсомольской правде».

Гром, литавры! Возвращаюсь в Забайкалье на крыльях. И тут меня манят пальцем в обком партии и будто обухом в лоб: «Забудь. Рекомендуем тебя редактором «Комсомольца Забайкалья». Я, конечно, в отказ, ссылаюсь на Москву, там-де все уже решено: Но в партийном голосе появляется металл: «Ты что, не знаешь, что такое доверие и дисциплина? Или идешь, куда тебя посылают, или вперед ногами из профессии, это мы тебе обещаем!»

Мне 27 лет, я в шаге от мечты – и на тебе. Вспомнил наш разговор с Селезневым. Если у кого просить защиты, то у него. Звонить по редакционному телефону не хочется, зачем мне чужие уши. Мчусь на переговорный пункт, там телефоны в будках, минута разговора с Москвой – 15 копеек. Разменял 3 рубля! Номер приемной помню наизусть. Трубку берет секретарь Рита Басалова, начинаю ей сбивчиво объяснять, кто я такой, – а монеты щелкают. «Геннадий Николаевич занят, у него планерка. Звоните в корсет»». «Не могу, – уговариваю Риту. – Вопрос жизни и смерти!» Когда оставалось монеток пять, она вдруг меня соединила. Это было чудо большее, чем хождение по волнам.

Селезнев суров и немногословен: «А, помню, говорили, я обещал. Но там ведь вроде пока заминка какая-то?» – «И что мне делать?!» И тут Геннадий Николаевич изрек: «Знаешь, с партией спорить себе дороже. Бери молодежку, это хорошая школа. И я тебе обещаю: ты будешь работать в „Комсомолке“. Ну не через месяц, так лет через пять. Не отчаивайся,

работай!»

Шатаюсь, я вышел из будки. Без трех рублей и без мечты. Все было кончено, впереди серой лентой, будто пыльный проселок, стелилась посредственная жизнь посредственного человека. Кто может загадывать на пять лет вперед? Долго не покидало ощущение счастливого, выигравшего в лотерею и смывшего билет в унитаз.

Прошло пять лет, потом еще год. И однажды осенним днем Геннадий Селезнев представил меня редколлегии «Комсомольской правды» как своего заместителя. Лично завел в освободившийся после ухода Юры Совцова кабинет: «Давай, осваивайся. Помнишь, я говорил, что будешь работать в „Комсомолке“?»

Конечно, помню, Геннадий Николаевич. И уже никогда не забуду. Как и некоторые его советы. Особенно один, универсальный. Я уже был главным редактором в «Комсомолке», над нами нависли серьезные тучи. После очередной острой публикации возникла истерика в самых верхах, потребовалась моя голова на блюде. Кто-то советовал сходить покаяться, кто-то – махнуть рукой и ждать неизбежного. Позвонил Селезневу – в ту пору уже председателю Государственной думы. Он сразу назначил встречу – прогуляться в переулке у парламентского здания.

Я не искал у него защиты, и он не был волшебником Изумрудного города. Геннадий Николаевич помолчал, потом сказал: «Ты уже не будешь им другом. Но лучше быть врагом, чем никем бултыхаться. Газета же права? Права. Вот и стой на своем!»

Это был совет мудрого человека и редактора. Вскоре я уже работал в другой газете, потом еще в другой. По-всякому получалось и получается, но я стараюсь, Геннадий Николаевич, не бултыхаться.